Кимура Кёко: Япония

"ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ" И "ПОУЧЕНИЕ ХРАМА ХАТИМАНА"

"Повесть о разорении Рязани Батыем" — одно из наиболее известных произведений литературы Древней Руси. Однако эта повесть мало исследована в сравнении с произведениями литератур других стран. В данной статье мне хотелось бы сопоставить древнерусскую повесть с японским произведением XIV в. "Поучением Хатимана храма" (по-японски "Хатиман-гудоокун").

Перед тем как сравнивать русскую "Поветь о разорении Рязани Батыем" с японским "Поучением храма Хатимана" надо представить это неизвестное в России произведение японской литературы.

Эта книга была написана с целью распространения веры в бога Хатимана[1]. Ценность древнеяпонской повести состоит в том, что в ней содержится описание нашествия монголов на Японию в конце XIV в.[2]. Правда, это произведение не имеет большой художественной ценности. Изображение людей и сражений далеки от японского представления о прекрасном. Они комичны и даже безобразны. Если сравнить "Поучение" с одной из лучших японских воинских повестей, "Повестью о доме Тайра", справедливость этого утверждения становится очевидной, хотя указанное произведение трудно назвать воинской повестью, в нем дано живое и подробное описание боя.

Автор "Поучения храма Хатимана" и точный год его создания неизвестны. Предполагается, что это произведение конца XIV — начала XV вв. В нем изображаются нашествия монголов на Японию в конце XIII в. Подробность описания боя свидетельствует, что текст был создан сразу после войны. Это событие упоминается в произведении, называемом "Картины со словами о нашествии монголов", написанном в 90-е гг. XIII-го в. Так как это сочинение является картинным свитком[3], а слова служат лишь приложением, т о его ценность как художественного произведения — ниже чем "Поучения". Автор этого произведения и год создания известны. А книга составлена сразу после войны с монголами, и излагаемые факты указывают на историческую достоверность— "Поучения".

Что же общего и в чем же различие между "Повестью о разорении Рязани Батыем" и "Поучением"? Оба содержат рассказы, касающиеся первого сражения с монголами. Различий же намного больше. Перечислим самые существенные из них.

Прежде всего "Поучение" отличается от "Повести" отсутствием героев. В "Повести" несколько положительных героев (князья Федор Юрьевич, Юрий Ингоревич, Ингварь Ингоревич, воевода Евпатий Коловрат) и один отрицательный герой — Батый. В "Поучении" описывается несколько подвигов воинов, но они не важны для развития сюжета. Кроме этого, в нем отсутствует изображение конкретного врага, представленного в обобщенном, собирательном образе. Причиной такой безгеройности "Поучения" является то, что герой "Поучения" — Бог. Победители и побежденные изображаются только на втором плане, подчеркивая величие Бога.

Кроме того в этих произведениях обнаруживаем разное представление о подвиге. Для русских воинов подвигом считается спасение родины. Для японцев личная храбрость. То есть если для русских подвиг — служение общим интересам, то для японцев — проявление личной доблести. Кстати, японская традиция, которая считала войну множеством поединков, была разрушена монгольским нашествием.

Наконец, нельзя не заметить различия в описании результатов битв. В "Повести" рязанская земля погибает от нашествия монголов, а в "Поучении" область Кюсю (южная часть Японии) в конце концов спасается. И там и тут — это результат божественного промысла: в "Повести" по божественному попущению враг захватывает Рязань, а в "Поучении" благодаря божественной силе враг изгнан. Для Японии, до конца второй мировой войны, это было единственное вторжение на ее территорию. Поэтому и в XX в. японцы верили, что в случае опасности государству помогает божественный ветер, с помощью которого враги изгоняются. Основанием этой веры являлись описанные события.

По этой причине рассмотрение текстов, их сопоставление ограничено:

1. изображением людей и сражений.
2. понятием о подвиге.
3. религиозной трактовкой.

1. Изображение людей и сражений

(1) О наименовании

Вообще в древнерусской литературе перед именами людей часто употребляются постоянные эпитеты, которые указывают на качество данного человека, дают ему оценку. "Повесть" в этом отношении не является исключением. Имена русских князей сопровождаются следующими эпитетами: "благоверный" (6 раз), "возлюбленный", "честный", "блаженый", "христолюбивый". Главного врага, Батыя, сопровождают эпитеты: "безбожный" (10), "нечестивый" (4),

"окаяный" (2), "зловерный". Эти эпитеты характеризуют качества человека, подчеркивают религиозно-нравственную оценку героев.

В древнеяпонской литературе подобных эпитетов нет. Герой представляется следующим образом: указывается место рождения, чин, фамилия, прозвище, имя. При вторичном упоминании употребляются сочетания нескольких из них, обычно двух или трех (чин и имя, фамилия и прозвище и т.п.) При этом чем выше общественное положение человека, тем сложнее эти комплексы. Что же касается врагов, то их личные имена не упоминаются. В основном из зовут просто монголами. Употребляются также такие названия, как: "инозлодеи", "вражеские", "иностранцы", "варвары-завоеватели".

Можно сказать, что на Руси личность человека определяется его качествами, в Японии большое внимание уделяется общественному положению. Это явление можно объяснить тем, что в Японии важно указать общественное положение человека на иерархической лестнице. Но такое феодальное общество существовало не только в Японии. Поэтому нужно отметить и другую причину. По моему мнению, это явление связано со стремлением японцев "дорожить своим именем". Это было общим представлением японских воинов. Название воина полным именем было весьма важным моментом его жизни. Такой образ мысли можно сравнить с русским отчеством, которое указывает не только на разных людей, но и является знаком уважения. В "Повести" в списке XVI в. Евпатий Коловрат не имеет отчества, потому что он не князь. И в России, и в Японии полное имя характеризует достоинство человека. Для японцев назвать себя полным именем перед врагами было самым ярким моментом в жизни человека-воина.

(2) Изображение людей в битве.

В "Повести о разорении Рязани Батыем" людям дается нравственная оценка с точки зрения добра и зла. Русские — князья и их воеводы, воины изображаются непременно добрыми, а враги злыми. Поэтому образы людей довольно схематезированы и абрагированы. На этом основано противопоставление русских и татар. Рязанцы бьются:

> И приседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Многиа сильныя полкы Батыевы проеждяа, храбро и мужествено бьяшеся, яко всѣм полком татарскым подивитися крѣпко и мужеству резанскому господству.

А татары:

> А во граде многих людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иных в рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское поимаша.

В "Поучении храма Хатимана" не наблюдается подобного контраста. Японцы удивляются и даже восхищаются храбростью врагов:

Их шеломы легки, и они хорошо сидят на конях. Они сильные люди и не щадят жизни. Энергичные и храбрые. Вдоль и поперек наступают и отходят.

По сравнению с монголами, японцы не показаны героями:

(Монголы) бьют в барабаны и гонги, и кричат боевой крич. Поражаясь этими звуками, японские кони прыгают и скачут. Изо всех сил воины сдерживают коней и не могут направить их на врагов.

Итак, в "Поучении" не видно попытки идеализировать воинов. Это же подтверждает и описание боя.

В "Повести" автор обращает особое внимание на упорную борьбу рязанцев и их избиение. В "Поучении" же автора интересует порядок в рядах монголов, беспорядок среди японцев и подвиги японцев, доверяющих храму Хатиману. Самое важное заключается в том, что в японской воинской повести появляется новое описание боя: изображение столкновения масс.

Несколько десятков тысяч направляют стрелы упорядочено, и они летят как дождь. Алебарды и копья строятся в ряд, без промежутков. Некоторые (монголы) вместе надвигаются, а другие ждут кого-то, наступающего к ним, и окружают его и убивают.

Такое описание битвы, кстати, изменило японское представление о подвиге. Различия между понятиями подвигов русских и японцев уже указаны выше. Чем же объясняется разница?

2. Понятие о подвиге

Повторяю, что для русских подвиг означал вклад в общее дело защиты родины, а для японцев — демонстрацию личной храбрости, в данном случае это проявляется в точном подсчете, сколько врагов убил один воин. Это объясняется тем, что количеством убитых врагов определялась ценность награды. Японские воины нуждались в доказательстве подвига, чтобы их имя вписалось в "записку" о сражении. Воины отрубали головы врагов и носили вместе с собой даже в самый разгар битвы. Они должны были найти свидетеля, который бы дал показания, кто первым напал на врага.

В "Повести" безымянные дружинники сражаются упорно. Японцы же — когда видят, что враг сильнее чем они, то сразу обращаются в бегство. Смерть не считалась подвигом для японцев.

Разное представление о подвиге объясняется тем, что русские бояре — вассалы князей, а японские воины — не вассалы шегун. Они принадлежат только своей собственной земле. Правитель Японии — не сомодержец, а глава союза. Поэтому, если глава госу-

дарства, шегун, не обеспечивает землей своих воинов или не дает новую землю за подвиг, то к нему не надо проявлять преданности.

Потом японские воины стали вассалами феодалов. После XVII в, японцы закрыли страну и прославили трехсотлетний устойчивый мир. Воины бюрократизировались и потеряли индивидуальность. В такой маленькой стране, как Япония человеку трудно жить, если он гармонично не связан со своей землей. В отличие от Японии, в России, благодаря обширной неосвоенной земле индивидуальный человек мог жить то на юге, то на севере.

3. О религиозной трактовке

И в Древней Руси, и в Древней Японии была сильна вера в Бога. Человек обращается к Богу, чтобы дать ответ на все вопросы. Однако характер отношения к Богу у японцев и русских различен. В России люди молились Богу, чтобы обрести вечную, счастливую жизнь после смерти, а в Японии люди молили Бога о земном благополучии. Для японцев образ Бога, посылающего иноземных захватчиков на их землю в качестве наказания за грехи, был немыслим.

Различие состоит в религиозных формах: Японский синтоизм является политеистичным, русское христианство-монотеистичным. Поскольку в Японии было огромное количество богов, то каждый из них должен был заявить о себе. Иначе он не мог найти верующих. Отношение между богом и человеком было своего рода контрактным отношением. Конечно, злой человек должен быть наказан богом, но наказать весь народ, с точки зрения японца, невозможно[4].

На Руси Бог — это учитель жизни и спаситель души после смерти, в Японии — хранитель на этом свете. В отличие от христианства, в синтоизме нет догматов, следовательно нет ни рая ни ада: только "свет умерших". Синтоизм, как правило, являлся коренной религией. Она давала земное благо верующим, и обычно не наказывала человека за неверие, если он не оскверняет бога. Поэтому в Японии синтоизм не мог стать нормой нравственного учения, как христианство на Руси. Новой религией стал буддизм, основанный на догмах, ставших нравственной нормой поведения человека. Однако буддизм тесно уживался с основами синтоистской религии.

* * *

Таким образом, в литературе Древней Руси мы видим утверждение принципа коллективизма, а в Древней Японии — принципа индивидуализма. В Древней Руси религия имела абсолютную ценность, а в Японии ее сила была ограничена. Интересно, что в дальнейшей истории стран такие точки зрения изменялись в противоположном направлении. Но в любую эпоху в России и Японии существовали противопоставленные ценности, как лента Мебиуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бог Хатиман — это один из самых популярных богов в Японии с древнейших времен. Первоначально он был своего рода душой зерна. Потом он стал богом-огранителем местного могучего рода сата в области Кюсю, и шаманская жрица священнодействовала в его храме. Так как эта область производила медь, то его обожествляли в качестве бога меди. В XIII в., когда в центральном государстве отлили гигантский образ Будды, бога Хатиман выступал в столице в качестве оракула. В начале IX в. государство стало его титуловать "Великим Буддой", Хатиман стал одним из первых "синтезов синтоизма и буддизма". В начале XII в. один известный японский воевода Минамото-но Ёсиие, у которого было провнище Хатиман Таро, считал его своим богом-охранителем. Затем этого бога считали богом битвы, покровителем воинов. В современной Японии вера в бога-Хатиман как бога битвы исчезла, но он все же очень популярен в народе.

[2] Нашествия монголов на Японию происходили в 1274 и 1281 гг. Монголы пришли по приказу внука Чингис-хана Хубилай-хана, который в то время стал первым императором династии Юан в Китае и подчинил Корею. Хубилай потребовал от японцев приехать к нему с дарами, но японцы игнорировали его требования. Наконец, Хубилай решил завоевать Японию и собрал союзную армию из монголов, китайцев и корейцев. Однако эти попытки завоевать Японию оба раза кончились безрезультатно. Причин неудач было много, но японцы верили, что тайфун, т.е. божественный ветер, изгнал завоевателей.

[3] Свиток — это традиционна форма книги в древней Восточной Азии. Книги в Японии бытовали в форме картинного свитка. Так как ширина картины не ограничена, читатели могут беспрерывно развлекаться переменой сцен. При этом важна и красота надписей, которые объясняют сцены картин. Самый древний японский роман, "Повесть о Генджи" (конец X начало XI вв.) тоже написан в форме картинного свитка.

[4] Здесь речь идет о синтоизме. В Японии есть еще одно большое направление религии: буддизм. Если считать синтоизм религией "живущего", то буддизм — религия "покойника": потому что в японском буддизме считается, что все земное бренно и люди получают покой после смерти. То есть синтоизм имеет прагматическую цель, а буддизму свойственна универсальность. Потому-то литература, которая отражает буддиское мировоззрение, более художественна, чем синтоистская литература.